

# 34. Разногласия в рядах либертарииев

Было очевидно, что с начала Гражданской войны анархистам пришлось совершить идеологическое отступление. Этот процесс начался с фундаментального решения каталонской НКТ – не провозглашать официально либертарный коммунизм сразу после 19 июля, хотя власть фактически находилась в её руках, а вместо этого сотрудничать с другими силами, поддерживавшими дело Республики. Затем были приняты решения о вхождении анархистов в правительства Каталонии и Республики. Однако в либертарном движении не происходило каких-либо значительных расколов из-за этих компромиссов по отношению к его традиционной идеологии и политике.

Только после Майских дней и изгнания анархистов из каталонского и республиканского правительств эти разногласия начали приобретать заметный масштаб. Чрезвычайное давление, которое испытывали анархисты на последующих этапах Гражданской войны, оказало своё влияние и на внутреннюю жизнь движения. Различные группы по-разному реагировали на давление сталинистов и их союзников и на отношения либертарииев с правительством Негрина. Эти различия подходов и мнений в конечном счёте привели к публичному выражению конфликтующих позиций по поводу роли анархического движения в Республике в последний год её борьбы против сил Франсиско Франко.

Одна из тактик сталинистов заключалась в том, чтобы попытаться проникнуть в ряды анархистов. Диего Абад де Сантьян отмечал, что они пытались «расчлениить» либертарное движение и что Национальный комитет НКТ осудил эти попытки, но утверждал, что НКТ сделала это «лишь на словах», стараясь не слишком отдаляться от правительства Негрина и поддерживавших его политических сил<sup>1</sup>. Нет никаких признаков того, что сталинистам удалось добиться какой-либо поддержки для своих приверженцев внутри либертарных организаций.

Однако не подлежит сомнению, что сталинисты обдумывали возможность раскола в рядах анархистов. Так, Пальмиро Тольятти сообщал своему руководству в Москве 25 ноября 1937 г.:

“ «В пределах НКТ обозначается расхождение между легалистским крылом, которое желает сотрудничать с нами и с правительством, и террористическим крылом. Идёт обсуждение раскола... Будущее покажет, насколько целесообразно заключение пакта между КП и НКТ. Моё мнение благоприятно... Необходимо не допустить, чтобы НКТ, в массе, встала на путь авантюры, и в то же время необходимо установить связь со здоровой

# Споры по поводу участия в правительствах

Хотя серьёзные разногласия внутри анархического движения стали очевидными в последний год Гражданской войны, начались они гораздо раньше. Несмотря на то, что решение каталонской НКТ не устанавливать формально свою власть после 19 июля было (как мы отмечали ранее) практически единодушным, в рядах либертариёв возникли разногласия, когда они решили войти в правительства Каталонии и Республики.

Вхождение анархистов в правительства получило поддержку значительного большинства членов движения, и оппозиция ему была довольно ограниченной. Хосе Пейратс, который сам выступал против данного шага, подтверждает это. Изложив официальные доводы лидеров НКТ в пользу вхождения в правительство Ларго Кабальеро, он продолжает: «Все ли активисты думали так? Получила ли новая позиция НКТ поддержку международного анархизма и анархо-синдикализма? Печальная истина заключалась в том, что, за исключением течений меньшинства, оглашавших свои протесты в собственных изданиях, в комитетах, на митингах, пленумах и собраниях, значительное большинство активистов поддалось определённому фатализму – прямому результату трагических реалий войны»<sup>3</sup>.

Тем не менее оппозиция против участия анархистов, хотя бы и временного, в «государственных» делах действительно существовала. Мануэль Салас, участник войны и член НКТ, годы спустя отмечал, что вхождение анархистов в каталонское правительство в конце сентября 1936 г. вызвало мало споров, однако серьёзная дискуссия развернулась по поводу того, должна ли НКТ-ФАИ войти в правительство Ларго Кабальеро<sup>4</sup>.

Жерминаль Грасия, военачальник из «Либертарной молодёжи», спустя много лет говорил мне, что он редактировал газету «Кихот» (El Quijote), которая высказывалась против вхождения в кабинет Ларго Кабальеро, и что еженедельная газета ЛМ занимала такую же позицию. Он отмечал, что вопрос о присоединении НКТ к режиму Ларго Кабальеро не был вынесен на рассмотрение рядовых членов организации, и утверждал, что многие из них чувствовали себя обманутыми этим ходом и выступали против него.

Одним из принципиальных противников вхождения НКТ в республиканское правительство был Хосе Пейратс, который во время войны был лидером «Либертарной молодёжи» в Лериде и редактировал местную анархическую газету «Акратия» (Acracia). Он утверждал, что министры от НКТ будут бессильны в правительстве и что для НКТ было бы лучше защищать революцию с помощью экономических организаций. После Майских дней в Барселоне он был вынужден оставить должность редактора «Акратии» по причине своей оппозиции<sup>5</sup>.

Однако Фидель Миро, который был главой «Либертарной молодёжи» большую часть Гражданской войны, утверждал, что газета Пейратса была единственным изданием ЛМ,

которое высказывалось против назначения министров от НКТ, и что на каталонском региональном пленуме организации только делегации из Лериды, Оспиталета и ещё одного центра выступили против участия в правительствеб.

## Начало разногласий с ФАИ

В первый год Гражданской войны в глазах широкой публики – и даже членов либертарного движения – было мало различий в политике и позициях Национальной конфедерации труда и Федерации анархистов Иберии. Буквы «НКТ-ФАИ» были видны повсюду в Барселоне и других городах, посёлках и сёлах Республики, словно это была одна организация. То, что НКТ и ФАИ обе были представлены в региональных и местных органах и других общественных учреждениях, позволяло расширить общее представительство либертариев и не было следствием программных разногласий между этими двумя организациями. По всей видимости, в этот период между НКТ и ФАИ не было существенных расхождений. Действительно, Гомес Касас отмечает, что ФАИ «до некоторой степени забыла себя» в начале Гражданской войны и революции. «Практически до самого сентября ФАИ не подавала признаков жизни как полуостровная организация»<sup>7</sup>.

Однако после Майских дней и устранения анархистов из республиканского и каталонского правительств эта ситуация начала меняться. Мнения лидеров НКТ и ФАИ о том, как противостоять сталинистам и особенно как вести себя по отношению к правительству Негрина, стали значительно различаться.

Диего Абад де Сантильян, один из лидеров ФАИ, цитирует меморандум ФАИ, составленный в сентябре 1938 г., где это объяснялось следующим образом:

“ «Полуостровной комитет ФАИ, начиная с лета 1937 г., стал высказывать Национальному комитету НКТ своё братское мнение, что, поскольку мы оставили Конфедерации инициативу в политических делах, необходимо пойти на изменение, чтобы защитить нашу собственную индивидуальность, чтобы остановить, насколько это возможно, резкое падение революционной Испании. Мы должны сказать, что наши усилия не увенчались успехом, и разногласия в ежедневных дискуссиях о нашем коллективном поведении обострились до такой степени, что стало невозможно иметь единую ориентацию, одинаковые представления и одинаковые решения по различным проблемам войны, экономики, национальной и международной политики и т.д.»<sup>8</sup>.

Сантильян проследил, как развивались противоречия между руководством ФАИ (которое до некоторой степени поддерживала Федерация либертарной молодёжи – ФИХЛ) и Национальным комитетом НКТ. Вначале НКТ решительно отказалась вступить в правительство Негрина, когда оно было сформировано, и Национальный комитет НКТ выпустил по этому поводу воззвание:

«Активистам ФАИ нечего было возразить на эту принципиальную и ясную позицию. Она была обоснованной...

Но вот те из нас, кто был лучше информирован, придали этому иное значение, и мы усомнились, что те слова, которые для огромной массы Конфедерации были единственной приемлемой линией, имели такую же ценность для импровизированных лидеров великой организации. Вопреки духу, интересам и чаяниям масс рабочих и бойцов, эти лидеры, ранее публично поддерживавшие политику Ларго Кабальеро, вошли в контакт с Прието, чтобы теперь выразить свою поддержку ему, а когда, несмотря на эту поддержку, Прието также был выброшен из правительства, они связали себя с Негрином до самого поражения».

Сантьян отмечает, что после взятия Бильбао силами Франко «Свободная молодёжь», орган ФИХЛ, опубликовала статью под заголовком «Падение Бильбао означает провал правительства Негрина». В статье говорилось:

“ «По всей лоялистской Испании, по всем сёлам и городам проносится один призыв, один клич: Долой правительство Негрина! Долой Коммунистическую партию, причину всех поражений!»<sup>9</sup>

Согласно Сантьяну:

“ «В обращении Национального комитета НКТ к председателю Совета министров от 10 августа 1937 г. продолжалась славная линия мая. Возможно, оно грешило излишней сдержанностью, терпимостью, систематическим уходом от ответа, которого заслуживали провокаторы, стремившиеся уничтожить нашу работу и наших людей. Но этот документ всё ещё, в некотором роде, представлял собой образец достоинства»<sup>10</sup>.

Позднее в 1937 г. Национальный комитет НКТ, при содействии ФАИ, представил правительству критический анализ военных операций, проводившихся после отставки правительства Ларго Кабальеро. В данном документе делалось заключение, что невозможность провести запланированное Ларго Кабальеро наступление в Эстремадуре, вследствие отказа русских обеспечить ему воздушную поддержку, «является причиной падения Бильбао». Авторы также критиковали неэффективность руководства незначительными наступлениями республиканцев, предпринятыми в Центре и Арагоне, и доказывали:

“ «“Операция у Брунете была исключительно политической, она не отвечала задачам победы над фашизмом, а служила интересам Коммунистической партии в ущерб остальным организациям.

Необходимо решительно изменить военную политику, чтобы избежать катастрофы, к которой мы придём, если будем продолжать в том же духе”.

Напрасно мы добивались каких-либо корректив в военной политике, когда министром национальной обороны был Прието или когда его сменил Негрин, корректив, которые могли бы оправдать отказ руководящей бюрократии НКТ от всяких возражений, замечаний и критических суждений»11.

Сантьяго пишет по поводу Национального комитета НКТ:

“ «Правда заключалась в том, что он прекратил всякую критику, он дал Негрину, после многих усилий и унижений, министра, выбранного им самим, и в течение почти всего 1938 года, в преддверии краха, звучал лишь наш голос, личный и Полуостровного комитета ФАИ»12.

К тому времени, когда Полуостровной комитет ФАИ стал возражать против всё более тесного сотрудничества руководства НКТ с Хуаном Негрином, возможность ФАИ апеллировать к анархическим массам была резко ограничена. Диего Абад де Сантьяго позднее писал:

“ «Мы не могли обратиться к широким массам, чтобы они тысячами способов оказали давление на правительство. Попытка, которую годом ранее предпринял Ларго Кабальеро, сделала его узником в собственном доме. Дело было не в том, что мы боялись этого или чего-то ещё худшего, но в сложившейся ситуации даже личное самопожертвование не принесло бы никакого результата. Не один раз правительственная, да и практически вся пресса намекала, что и по менее значительным поводам, чем подавали мы, многие были брошены в тюрьму либо расстреляны. Сам факт, что мы могли ходить по улице, приписывался великодушию правительства. Действительно, многие достойные испанцы были арестованы или расстреляны и за меньшее. И мы также заявляли, что это было одной из многих причин судить и казнить это правительство, худшее, какое Испания знала за многие столетия.

Что мы говорили в своих изданиях, что мы сообщали нашим активистам, что мы обсуждали среди друзей – то же мы открыто высказывали и самому правительству»13.

## НКТ, ФАИ и «13 пунктов» Негрина

Первый открытый конфликт между руководством НКТ и ФАИ, по-видимому, произошёл, когда премьер-министр Хуан Негрин огласил свои цели в войне, названные «13 пунктов». Они были изложены перед кабинетом 1 мая 1938 г. В них провозглашалось, что Гражданская война является борьбой за национальную независимость, были обещаны

региональная автономия в послевоенной Испании, свобода вероисповедания и армия «на службе нации». Среди этих «13 пунктов» было три, которые имели особую важность с точки зрения анархистов.

Пункт 3 гласил, что борьба ведётся за «народную Республику, представляемую активным государством, основанным на принципах чистой демократии и осуществляющим свою деятельность через Правительство, которое будет наделено всеми полномочиями, переданными ему голосами граждан, и станет символом твёрдой исполнительной власти, всегда следующей предписаниям и желаниям испанского народа».

Пункт 7 указывал:

“ «Государство гарантирует право собственности, приобретённой законным порядком и на законных основаниях, при соблюдении высших национальных интересов и защиты производителей. Не вмешиваясь в личную инициативу, оно будет препятствовать накоплению богатства, порождающему эксплуатацию граждан и порабощение общества и уменьшающему контролируемую роль государства в экономической и социальной жизни. С этой целью оно будет способствовать развитию мелкой собственности, гарантирует семейное наследование и будет стимулировать все средства экономического, нравственного и расового улучшения производительных классов. Собственность и законные интересы иностранцев, которые не содействовали мятежу, будут уважаемы, и будет исследован, для выплаты соответствующей компенсации, ущерб, непреднамеренно причинённый войной. Для рассмотрения этого ущерба Правительство Республики уже создало Комиссию по иностранным жалобам».

Пункт 8 предусматривал преобразования в сельском хозяйстве:

“ «Коренная аграрная реформа, ликвидирующая старую и аристократическую полуфеодалную собственность, которая, лишённая всякого гуманного, национального и патриотического чувства, всегда была главным препятствием для раскрытия великих возможностей страны. Создание новой Испании на основе широкой и прочной демократии крестьян, собственников земли, которую они обрабатывают».

Наконец, пункт 13, хотя и не затрагивал напрямую позицию анархистов, вызывал серьёзные сомнения у них и других сил, поддерживавших республиканское дело:

“ «Полная амнистия для всех испанцев, желающих сотрудничать в обширной работе по восстановлению и возвеличению Испании. После такой жестокой борьбы как та, что заливают кровью нашу землю, на которой возродились древние добродетели героизма и верность идеалам расы, было бы предательством по отношению к судьбе нашего Отечества не подавить и не

похоронить все мысли о мести и преследовании, ради общего дела самопожертвования и труда, совершить которое обязаны все сыны Испании для её будущего»<sup>14</sup>.

Реакция лидеров НКТ и ФАИ на принятие «13 пунктов» сильно различалась. 10 мая Национальный координационный комитет НКТ-ВСТ выпустил совместное обращение этих двух организаций, в котором говорилось:

“ «Наше правительство Народного фронта в своей недавней программе, изложенной в 13 пунктах, сформулировало основные цели нашей борьбы: целостная и полная национальная независимость; защита перед всем миром, и в авангардной позиции, настоящего и будущего цивилизованного человечества, без ограничения усилий и жертв, чтобы завоевать для нашей родины достойное место в сообществе наций и защитить коллективные интересы; право распоряжаться судьбами нашей страны и воля нации, устанавливающая для Республики правовой и социальный строй общенационального единства, который посчитают гуманным и справедливым»<sup>15</sup>.

“ «Эти цели создают условия и силы, чтобы не сдавать позиций, пока не будет достигнута победа нашего дела. И поскольку борьба до конца, до победы – это выражение на словах твёрдой решимости всего пролетариата, который мы представляем, Национальный координационный комитет НКТ-ВСТ присоединяется к нашему правительству Народного фронта и подтверждает и рассматривает как свою собственную эту декларацию»<sup>16</sup>.

В этот же день Национальный комитет НКТ издал циркуляр, в котором обязывался защищать каждый из «13 пунктов» Негрина, чтобы показать, что они открывают «широкий простор для прогрессивных свершений», и опровергнуть «пессимистические измышления пораженцев».

По поводу 3-го пункта Национальный комитет заявлял:

“ «На пленуме в сентябре 1937 г. было решено сделать нашим и отстаивать тезис выборов под эгидой “демократической и федеративной социалистической республики”. В основные принципы, представленные нами ВСТ и принятые Национальным пленумом региональных организаций, мы включили пункт, излагающий сентябрьское решение. Декларация правительства меняет формулировку и говорит о народной республике, что не противоречит нашему тезису»<sup>17</sup>.

Циркуляр НКТ придавал пункту 7 «революционное значение, поскольку он относится к вопросам экономики и собственности. Мы хотели бы иметь декларацию о социализации, коллективизации и т.п.», но, говорила НКТ, это было невозможно для правительственного документа, рассчитанного главным образом на иностранную аудиторию. Утверждалось, что

НКТ сама поддерживала мелкую собственность и предлагала компенсацию за конфискованные иностранные предприятия. Национальный комитет заявлял, что находит в пункте 7 «множество совпадений с нашими стремлениями, которые также сводятся, теоретически и практически, к постоянному улучшению положения производительных масс».

Что касается пункта 8, относящегося к аграрной реформе, то НК НКТ считал, что положение о «демократии крестьян, собственников земли, которую они обрабатывают» вполне удовлетворительно, поскольку в нём не говорится, «должен ли крестьянин быть собственником земли... индивидуально или в коллективе, и поэтому в сельской местности могут существовать коллективные организации, которые предполагают, что крестьяне, формирующие их, являются собственниками земли, которую они обрабатывают».

Наконец, НК НКТ защищал пункт 13, обещавший полную амнистию тем, кто участвовал в мятеже против Республики. Утверждалось, что этот призыв имеет «важность для внешнего мира... и важность в зоне мятежников, как пробуждение надежды среди тех, кто ежедневно наблюдает итало-германское вторжение»<sup>18</sup>.

Взгляд руководства ФАИ на «13 пунктов» полностью отличался от взгляда Национального комитета НКТ. В циркуляре, который был направлен Полуостровным комитетом ФАИ всем региональным группам, говорилось:

“ «Опубликованная правительством нота относительно целей, к которым стремится Республика в этой войне, представляет собой важнейший документ, в котором оно намечает курс, практически знаменующий возврат к режиму, существовавшему до 19 июля, со всеми последствиями, какие это может иметь для пролетариата»<sup>19</sup>.

Следующий циркуляр Полуостровного комитета ФАИ, датированный 6 мая, гласил:

“ «От третьего пункта, который устанавливает парламентский режим, до тринадцатого, который обещает амнистию сторонникам Франко, всё её содержание яростно сталкивается не только с нашими идеями (отражения которых в правительственном документе мы и не ожидали), но и с реалиями, создавшимися в антифашистской Испании после 19 июля. Самым существенным в этом документе является то, что в нём отсутствует. Мы не находим в нём никакого, даже самого осторожного упоминания о 19 июля, о контрреволюционных силах, которые тогда с оружием в руках поднялись против народа и были решительно устранены из общественной жизни; мы не находим в нём положения, которое гарантировало бы завоевания крестьянского и рабочего класса; права на коллективное пользование [землём] и рабочий контроль в производстве. Напротив, государство обещает гарантировать [частную] собственность, индивидуальную инициативу, свободное отправление религиозных культов, стимулировать развитие мелкой собственности, возместить убытки иностранному капиталу

Столкновение между лидерами НКТ и ФАИ достигло кульминации, когда встал вопрос, будет ли ФАИ подписывать декларацию Народного фронта, одобряющую «13 пунктов». Каталонская региональная организация ФАИ, следовавшая решениям Исполнительного комитета Либертарного движения в той части Республики, настойчиво убеждала Полуостровной комитет ФАИ подписать этот документ, и её поддержал Региональный комитет Астурии, хотя комитет Арагона присоединился к возражениям Полуостровного комитета. В итоге Полуостровной комитет ФАИ согласился подписать декларацию «против воли»<sup>21</sup>.

## Правительственный кризис в августе 1938 г.

Второй серьёзный конфликт между Полуостровным комитетом ФАИ и Национальным комитетом НКТ, очевидно, произошёл во время правительственного кризиса в августе 1938 г., который был вызван отставкой каталонского и баскского министров, несогласных с принятием правительством Негрина трёх декретов, в том числе о национализации военной промышленности страны. Диего Абад де Сантильян объясняет случившееся следующим образом:

“ «Усилия, которые мы прилагали в дни кризиса в попытке повлиять на руководящие комитеты либертарного движения, стремившиеся сохранить бессильного министра в правительстве Негрина – министра, выбранного самим Негрином, без консультации, министра, не дававшего нам никакой информации по вопросам жизненной важности, – не поддаются описанию. Множество доказательств, отчётов, данных, которые мы представили для понимания того, насколько пагубным было наше участие в таком правительстве и насколько вредным оно было для достойного завершения войны, – всё это должно было заставить немного задуматься даже тех, кто не был склонен к размышлениям. И всё же мы ничего не добились. НКТ, или предполагаемые её представители, оставалась неизменной в своей позиции, несмотря на все унижения, которым она подвергалась, даже непосредственно во время кризиса, а остальные партии и организации были запуганы аппаратом, созданным для репрессий...»<sup>22</sup>

Хосе Пейратс описывает различную реакцию лидеров НКТ и ФАИ на августовский кризис:

“ «НКТ не прерывала своего молчания. ФАИ, со своей стороны, выразила свою позицию в документе, содержание которого может быть суммировано в следующих двух пунктах... 1. Декреты, одобренные Советом министров 11-го числа этого месяца, представляют собой посягательство на права и

свободы испанского народа. 2. Мы призываем все партии и организации, которые ставят общие интересы выше собственных частных амбиций, заявить о своём несогласии с политикой, обозначенной в этих декретах»<sup>23</sup>.

## Меморандум ФАИ о ведении войны в августе 1938 г.

Следующим открытым разрывом Полуостровного комитета ФАИ с позицией руководства НКТ, выразившейся в полной и некритической поддержке Хуана Негрина и всех аспектов его руководства войной – военного, экономического и политического, – был меморандум о военной ситуации. Этот документ был отправлен не только правительству, но и «бывшим военным министрам, военачальникам, партиям и организациям, поддерживающим правительство». Сантьян отмечает: «Несмотря на молчание большинства, наши аргументы и критика были настолько неопровержимыми, что многие люди ждали скорого введения изменений, предложенных нами». Среди тех, кто сообщил Полуостровному комитету о своей поддержке меморандума (полной или частичной), были Ларго Кабальеро, Индалесио Прието, генерал Висенте Рохо (начальник генштаба), Луис Аракистайн, полковники Диас Сандино, Хименес де ла Вераса, Эмилио Торрес и генерал Хосе Асенсио<sup>24</sup>.

В документе указывалось, что в течение двух лет войны лоялистские силы большую часть времени находились в отступлении. «Несомненной истиной является то, что руководство кампанией с нашей стороны страдает серьёзными дефектами, а наша народная армия и её командиры, недостаточно компетентные и значительно ослабленные партийной политикой, также имеют недостатки»<sup>25</sup>.

Первой причиной «столь сложной военной ситуации» в меморандуме называлось «нелепое и губительное влияние политики на войну». Вначале все республиканские фракции считали, что война быстро будет выиграна. Как следствие, «политика партийной гегемонии в тылу поощряла тех, кто боролся в защиту так называемых завоеваний революции, игнорируя то, что было самым существенным, то есть войну, войну неизбежно революционную. Партии и организации занимались накоплением оружия в тылу, чтобы добиться преобладания в послевоенный период, который, как они думали, скорого наступит, удерживая это оружие вдали от слабых фронтов, малоорганизованных и испытывающих недостаток во многих вещах».

Когда этот начальный период закончился, то, по словам ФАИ, «в первых рядах появляется политическая партия, недостаточно сильная в народе, но поддерживаемая политикой иностранной державы, которая, после усиленной пропаганды в рядах армии и учреждениях общественного порядка, приманивая к себе повышениями и постами новобранцев с не очень ясным антифашистским прошлым и небезукоризненной моралью, во многих случаях выдавая им членские билеты, датированные 1933 годом, безо всяких ограничений начинает превращать народную армию в творение партии»<sup>26</sup>.

Второй слабостью Народной армии, отмеченной Полуостровным комитетом, была система военных комиссаров.

“ «Когда начался военный мятеж и мы неожиданно получили в свои руки организацию войны и военных ресурсов, не зная, кому из профессиональных элементов доверить наши колонны, мы прибегли к назначению политических руководителей, или комиссаров, которые в сопровождении более или менее дружественных военных, которым мы доверяли, направляли операции.

Это было единственным возможным решением при тех обстоятельствах. Мы не могли поручить командование персоналу, который мы не знали, и были вынуждены оставить на постах только тех, кто объявил о своей поддержке вооружённого народа. Это была временная мера, пока не прояснится ситуация. Впоследствии из наших военных школ выпускались офицеры народного и революционного происхождения, а на самом фронте появились выдающиеся командующие из милиционеров, такие как Дуррути в Каталонии, Сиприано Мера в Центре, Ихинио Карросера в Астурии и др. Существование двойного аппарата, политического и военного, стало бессмысленным, если не вредным, не говоря уже об отравляющем влиянии политической вербовки, которой обеспечивал поддержку и средства этот аппарат»<sup>27</sup>.

Третьей проблемой, согласно Полуостровному комитету, были «военные советники СССР и применение авиации». Советские военные специалисты обвинялись в том, что они часто выходили за границы своих полномочий, осуществляя командные и контрольные функции. Это особенно относилось к авиационным силам, которые

“ «полностью находятся в руках офицеров СССР – крайность, вполне понятная ввиду особых условий в воздушных силах, отличающихся от армии, хотя мы и начали формировать многочисленные контингенты великолепных испанских пилотов и еженедельно собирать на наших заводах различные самолёты. Однако авиация, которую мы имеем, используется неэффективно, поскольку не были созданы, возможно из-за недостаточных ресурсов, подразделения авиации, находящиеся во взаимодействии с армиями и армейскими корпусами. Мы можем заявить, что наша пехота никогда не бывает достаточно обеспечена поддержкой воздушных сил, которые не держат никакой связи с землёй, в противоположность тому, как действует авиация наших врагов. Нет по сути никакого наблюдения с воздуха или фотосъёмки... не отслеживается ежедневный прогресс вражеских укреплений и, говоря в целом, не выполняется настоящая работа, которая отводится воздушным силам в современной войне»<sup>28</sup>.

Далее ФАИ критиковала «ревнивое преследование военачальников». Данный раздел меморандума обвинял членов «определённой партии» в распространении негативных

слухов о командирах и политкомиссарах, не принадлежавших к этой партии. «Аполитичный Наполеон Бонапарт, командующий соединением нашей народной армии, без сомнения, был бы повержен комиссаром и ячейкой определённой партии в главном штабе. С другой стороны, фабрикуется ложная воинская слава для безликих и невежественных людей, на основании их сопричастности ячейкам и комиссарам... В таких условиях был создан моральный климат, далёкий от здорового, благородного и образцового боевого товарищества, которое должно царить внутри верной группы офицеров, и в этом факте можно увидеть причину многих дезертирств, многих поражений и отсутствия хороших командующих»<sup>29</sup>.

Затем ФАИ обращалась к проблеме избытка вооружённого персонала в тылу:

“ «В мае 1937 г. у нас были огромные силы манёвра, настоящая резервная армия, которой мы сегодня, несмотря на пополнения в ходе призыва, не имеем... Освобождение от службы на фронте, по политическим причинам, так называемых ответственных лиц в гражданской администрации, а также работающих в военной промышленности и тех, кто подлежит призыву, но служит в карабинах, корпусе безопасности и информации... и полиции, вызывает огромное недовольство среди бойцов и их семей. Всё это должно быть изменено сильным и беспристрастным руководством»<sup>30</sup>.

Наконец, ФАИ в своём меморандуме критиковала отказ правительства организовать партизанские силы для действий в тылу врага и посвящала несколько слов тому, как это могло быть сделано<sup>31</sup>. Затем предлагались четыре «неотложных предварительных меры». Первая из них звучала следующим образом:

“ «Полное изменение в руководстве операциями вооружённых сил и военной политике. Пока не будет осуществлён отзыв добровольцев, предложенный Комитетом по невмешательству, испанские офицеры должны быть назначены для контроля над интернациональными бригадами. Ни один иностранец не может занимать должности, связанные с командованием и ответственностью, в армии, авиации и флоте. Русские советники прекратят свои независимые операции и будут членами главных штабов, подчинёнными испанским командующим. Переводчиков будет предоставлять правительство».

Вторым изменением, рекомендуемым ФАИ, было: «Восстановление дисциплины во всей её чистоте. Незаконные действия и некомпетентность командующих повлекут за собой строгое наказание, независимо от поручительства той или иной политической партии». Третьим было: «Отведение военным комиссарам только таких функций, которые не могут нанести ущерба правам и обязанностям военачальников». Наконец, ФАИ призывала к «радикальной реформе СИМ»<sup>32</sup>.

Естественно, сталинисты были весьма раздражены этим меморандумом. Впоследствии Пальмиро Тольятти утверждал, что «он содержал практически все элементы платформы

антикоммунистического блока капитулянтов и предателей»<sup>33</sup>.

## Октябрьский пленум 1938 г. Либертарного движения

Последнее крупное столкновение между соглашателями из Национального комитета НКТ и более радикальным Полуостровным комитетом ФАИ произошло на пленуме Либертарного движения 16–30 октября 1938 г. Это было собрание делегатов от региональных организаций всех трёх частей движения: Национальной конфедерации труда, Федерации анархистов Иберии и Федерации либертарной молодёжи. «Свободные женщины» участвовали только в дискуссии о «вспомогательных организациях Либертарного движения», и запрос о признании их четвёртой полноправной составляющей движения был отклонён<sup>34</sup>.

Споры на этом пленуме недвусмысленно отразили разногласия, раздиравшие Либертарное движение изнутри. Но в то же время они проиллюстрировали противоречия, с которыми движение сталкивалось в течение всей Гражданской войны, между его давними принципами и необходимостью идти на компромисс, чтобы выиграть войну и защитить свои организации.

В ходе подготовки к пленуму Полуостровной комитет ФАИ составил 17-страничный меморандум. В нём резюмировались жалобы, которые организация направила правительству и избранным деятелям двумя месяцами ранее, с добавлением значительного материала о терроре в отношении анархистов и других военнослужащих и гражданских лиц<sup>35</sup>. ФАИ также представила другой документ, озаглавленный «Доклад о необходимости подтвердить нашу революционную ориентацию и отказаться от участия в правительстве, ведущем войну и революцию к неминуемому поражению». Он содержал, главным образом, личные обвинения в адрес премьер-министра Хуана Негрина<sup>36</sup>.

Во время этого долгого двухнедельного пленума происходили острые конфликты между Национальным комитетом НКТ и Полуостровным комитетом ФАИ, которые отражены в записях, оставленных одним из членов последнего. Согласно этим записям, Мариано Васкес, национальный секретарь НКТ, полностью раскритиковал революционные действия анархистов в первой части Гражданской войны.

Васкес нападал на излишнюю привязанность анархистов к их традиционной идеологии и объяснял их слабые позиции в вооружённых силах их сопротивлением милитаризации. Он критиковал городские коллективы за отказ от «официальной опеки» и правительственного финансирования. Он критиковал поведение Гарсии Оливера в правительстве Ларго Кабальеро. Он осудил контрольные патрули анархистов. Он говорил о «донкихотской позиции» Совета Арагона. Он защищал национализацию и муниципализацию городских коллективов. Наконец, он защищал участие НКТ в правительстве Негрина и само это правительство. Он резко раскритиковал, как «ребяческий», августовский меморандум ФАИ о военных проблемах<sup>37</sup>.

Васкесу отвечали два члена Полуостровного комитета ФАИ, Жерминал де Соуза и Педро Эррера. Первый возражал против оценки военного меморандума ФАИ как «ребяческого», говоря, что «это не отражает мнение политических и военных руководителей»<sup>38</sup>.

Педро Эррера, очевидно, был более резким в своём ответе, чем его коллега. Согласно записям об этом заседании, он сказал:

“ «Необходимо отстранить тех, кто осуждает наши принципы. Тот, у кого нет идей, не должен стоять во главе нашего движения, которое нужно защищать как целое. Мы совершенно не можем обвинять себя в том, что случилось. “Доктринальный багаж” и “устаревшая литература” не могут быть отброшены анархистами, так как они всё ещё нуждаются в них. Потому что мы те, кто мы есть. Если кто-то отвергает наше учение по той причине, что оно не даёт нам быть неразборчивыми, пусть он покинет наши ряды. Нас нельзя обвинить ни в том, что произошло в Арагоне, ни в конфискации коллективизированных предприятий правительством. Тенденция оправдывать всё, что делается, и обвинять нас самих порочна и ставит нас в неприглядное положение».

Эррера также призывал говорить анархическим массам правду, чтобы избежать ошибок в будущем. По поводу поражений на фронте он сказал:

“ «В своих письменных докладах мы указали множество их причин, за которые мы не можем сделать себя ответственными, поскольку мы не имели к ним никакого отношения, что ясно продемонстрировал сам Национальный комитет НКТ...

Наши борцы не испытывали недостатка в активности, возможности или скорости. Мы не можем и не должны советовать им опускаться до приёмов двуличности, лицемерия, запугивания и обмана, отличающих так называемую умелую политику коммунистов, которых мы сравнили с Обществом Иисуса. Для нашего движения этика – не предмет роскоши, а нечто совершенно необходимое, что отличает нас от других секторов...

Анархические идеи не делают невозможным, а наоборот, облегчают понимание проблем, о которых мы говорили, и их решение. Мы обязаны восстановить нашу необъятную силу, работая внутри нашей организации и рассматривая правительственные действия как временную меру, какой они и должны быть. Нам не следует забывать ни на один момент наши подлинные революционные цели. Либертарное движение должно излечиться. И для этой цели мы здесь должны указать на решения. Мы – комитет анархической организации, и мы знаем, в чём наша задача. Мы зависим от наших активистов, и мы не те, кто отдаёт приказы...»<sup>39</sup>

Орасио Прието был одним из тех, кто отвечал Полуостровному комитету. «Мы стоим на грани раскола. Я был бы счастлив, если бы можно было доказать обратное, и я прошу, чтобы мне это доказали. Никто не может присвоить себе исключительное право определять линию поведения и идеи»<sup>40</sup>.

На последующем заседании Федерика Монсень осудила Негрина. Она утверждала, что он «возглавляет абсолютистскую диктатуру с ликвидаторскими тенденциями». Она осудила дальнейшее сотрудничество анархистов с режимом Негрина и подвергла критике различные аспекты политики правительства<sup>41</sup>.

Хосе Пейратс называет этот пленум «грубой перепалкой»<sup>42</sup>. Тем не менее на нём были приняты важные решения, в том числе о создании координационного комитета Либертарного движения<sup>43</sup>. Конфликтная атмосфера, ощущавшаяся на заседаниях, подчёркивается в записях члена Полуостровного комитета ФАИ, которые цитируются Пейратсом (и мной).

“ «Под закрытие пленума Национальный комитет НКТ поднял вопрос о своей несовместимости с Полуостровным комитетом ФАИ. Последний в ответ выразил своё недоумение, заявив, что не чувствует со своей стороны несовместимости с каким-либо органом, поскольку, осознавая свою ответственность, в подобной ситуации он сразу же подал бы в отставку»<sup>44</sup>.

Хосе Пейратс так характеризует ситуацию внутри Либертарного движения в конце 1938 г.:

“ «Либертарное движение в 1938 году всё ещё сохраняло значительную часть своего потенциала и влияния на события в стране. Но, как мы только что видели, оно оказалось разделено на две основных тенденции. Одна, которую представлял Национальный комитет НКТ, была до крайности фаталистичной; другая, Полуостровного комитета ФАИ, представляла собой запоздалую реакцию против этого фатализма. Но между фатализмом НКТ и строгой ортодоксией ФАИ находилась ещё одна тенденция, не временная, а постоянная, в пользу открытого пересмотра тактики и принципов, представителем которой был Орасио Прието. Эта тенденция, выступавшая за превращение ФАИ в политическую партию, на которую возлагалась бы обязанность представлять Либертарное движение в правительстве, государственных органах и избирательных кампаниях, стала плодом всех тех идеологических компромиссов, на которые пошли начиная с 19 июля как НКТ, так и ФАИ»<sup>45</sup>.

## Споры по поводу централизации Либертарного движения

Развитие самого анархического движения также породило спорные вопросы в последний год Гражданской войны. Одним из них была возросшая централизация и ужесточение дисциплины внутри движения.

На первых стадиях Гражданской войны в целом сохранялись традиционные демократические процедуры и участие рядовых членов в принятии решений, отличавшие испанский анархизм. Однако уже в марте 1937 г. поумистское издание «Испанская революция» сообщало о документе, принятом Национальным комитетом НКТ с согласия руководящих органов ФАИ и ФИХЛ, где «заявляется, что только региональные комитеты могут объявлять мобилизации, издавать распоряжения и т.д. Региональные комитеты являются единственными органами, уполномоченными действовать в политических вопросах... Отраслевые федерации и комитеты различных отраслей промышленности больше не имеют права принимать лозунги – только центральный руководящий орган, региональный комитет, может это делать. Все, кто не действует в соответствии с этими правилами и решениями, будут публично исключены из организаций». Издание ПОУМ комментировало:

“ «Эти шаги значительны, поскольку они указывают, в какой степени НКТ изменяет свою организацию и теорию перед лицом текущей ситуации»<sup>46</sup>.

Национальная конфедерация труда сообщала в декабре 1937 г. на конгрессе Международной ассоциации трудящихся (МАТ), что с 19 июля 1936 г. по 26 ноября 1937 г. НКТ провела 17 национальных пленумов региональных федераций. Этот доклад описывал процедуру проведения пленумов следующим образом:

“ «Национальный комитет созывает их циркуляром, с приложением повестки и отчёта. Региональные комитеты передают циркуляр местным и комаркальным федерациям или синдикатам, в зависимости от вопросов, перечисленных в повестке. Они созывают общие собрания членов, на которых обсуждается повестка и принимаются резолюции, которые впоследствии защищаются на региональных пленумах местных и комаркальных организаций, и решения этих пленумов защищаются делегациями региональных комитетов на национальных пленумах региональных организаций. В такой форме, и всегда с опорой на принципы анархо-синдикализма и волю большинства, резолюции принимаются по результатам дискуссии и при участии членов в обсуждении всех проблем»<sup>47</sup>.

Хосе Пейратс утверждает, что этот доклад изображал прямо противоположное тому, как в действительности поступало руководство НКТ:

“ «Этот избыток циркуляров, рассылаемых синдикатам Национальным комитетом, показывает, что последний стал машиной лозунгов. Для высшего комитета не нормально напрямую и с такой частотой обращаться к низовым

организациям, используя промежуточные комитеты как пересылочные пункты. То же самое можно сказать по поводу избытка национальных пленумов, и прежде всего когда они начинаются с основной группы – собрания членов. Национальный комитет созывает эти пленумы циркуляром с повесткой. Если это должно значить, что повестку составляет Национальный комитет, то мы скажем, что такая процедура антифедералистская. Повестка обычно составляется на основе предложений, вносимых синдикатами».

Пейратс указывает, что даже рассылка извещений о пленумах проводилась избирательно. Как он говорит, сам Национальный комитет признал, что извещения отправлялись «местным и комаркальным федерациям или синдикатам, в зависимости от сложности повестки». Иначе говоря, «если повестка оказывается “сложной”, то циркуляр не доходит до синдикатов».

Пейратс подвёл итоги своих наблюдений о нехарактерной централизации власти в НКТ так:

“ «Можно с уверенностью сказать, что обстоятельства времени требовали от нашего движения скорости в организационной работе и что было необходимо принять предосторожности, чтобы избежать некоторого неуместного вмешательства. Но утверждение, что эти обстоятельства требуют отставить в сторону старый федерализм, доводит нас до конца пути»<sup>48</sup>.

Демократические процедуры стали ограничиваться, и начали применяться определённые дисциплинарные меры, которые не были характерными для движения. В докладе НКТ декабрьскому конгрессу МАТ, который мы цитировали выше, отмечалось:

“ «Национальный пленум региональных организаций, прошедший в Валенсии 6 февраля 1937 г., по третьему пункту повестки... объявил обязательной нормой поддержку всеми членами, синдикатами и комитетами решений организации, и в случаях, когда речь идёт об общенациональных решениях, и в случаях, когда эти решения региональные или местные. Нельзя было, чтобы каждый пользовался неправильно понятой свободой для подрыва организационного развития анархо-синдикализма. И нельзя было ставить в ложное положение комитеты и товарищей, участвовавших в правительстве»<sup>49</sup>.

Ранее мы отмечали тенденцию к подавлению оппозиционных голосов внутри Либертарного движения, включая отстранение Хосе Пейратса от редактирования анархической газеты «Акратия» в Лериде и резолюцию Национального экономического пленума НКТ о значительном сокращении числа периодических изданий. От имени Либертарного движения всё чаще выступали национальный и региональные комитеты, а рядовые анархисты оказывали всё меньше влияния на его позицию.

Кульминацией этого процесса стало принятое в апреле 1938 г. решение каталонских анархистов о создании «исполкома». Согласно Хосе Пейратсу, «Исполнительный комитет Либертарного движения был создан на пленуме анархических групп, делегатов синдикатов, активистов и комитетов трёх организаций, НКТ, ФАИ и ФИХЛ, 2 апреля в Барселоне... Гарсия Оливер дал драматическое описание военной ситуации, результатом чего стал Исполнительный комитет, полностью несовместимый с традиционным учением и практикой в особой и конфедеральной организациях»<sup>50</sup>.

Тем не менее существовала оппозиция такому развитию движения. Когда, после поражения лоялистов в битве на Эбро, Хуан Гарсия Оливер начал в прессе НКТ кампанию в поддержку создания исполкома, «Либертарная молодёжь» Каталонии наиболее решительно возражала против этого предложения, называя его апофеозом неверной политической линии, начало которой было положено при вхождении НКТ в правительство. Она говорила, что в итоге это приведёт к полному преобразованию НКТ в организацию, совершенно отличную от той, какой она традиционно являлась. Федерация либертарной молодёжи выпустила в ответ на статьи Гарсии Оливера обращение, которое было опубликовано в Испании и за границей, критикуя идею исполнительного комитета<sup>51</sup>.

Но, несмотря на это, Исполнительный комитет Либертарного движения Каталонии всё же был создан. Фидель Миро, главный лидер «Либертарной молодёжи» в Испании, был избран его секретарём. Комитет стремился установить в движении строгую дисциплину. Согласно резолюции о его создании, Исполнительный комитет, «с согласия комитетов движения», мог исключать отдельных лиц, группы, синдикаты, федерации и комитеты, которые не следовали общим резолюциям движения и своими действиями наносили ущерб их выполнению<sup>52</sup>.

Этот Исполнительный комитет Либертарного движения Каталонии, безусловно, представлял собой такую степень централизации власти, которая была неслыханной в испанском анархизме до Гражданской войны. По одному из его решений несколько инакомыслящих должны были быть наказаны за свою оппозицию отправкой на фронт<sup>53</sup>. Мы уже видели, что Исполнительный комитет Либертарного движения поддержал Национальный комитет НКТ в его споре с Полуостровным комитетом ФАИ по поводу «13 пунктов»<sup>54</sup>.

## Разногласия внутри НКТ

Внутри самой НКТ существовала оппозиция тому, что воспринималось как рабское служение Национального комитета Хуану Негрину и его правительству. Эта оппозиция была особенно заметной в Каталонии.

Хуан Гарсия Оливер вспоминает о конфликте между руководством НКТ в Каталонии и Национальным комитетом:

█

«НКТ в Каталонии по капле накопила в себе обиды рабочего класса и приготовилась поднять общее выступление, в ходе которого ей предстояло свергнуть Негрина и коммунистов, не рискуя разорвать общий боевой фронт. Это произошло, когда она разорвала отношения с Национальным комитетом организации, из-за чрезмерных уступок последнего Негрину, из-за его сотрудничества с мифическим ВСТ негринистов и с Народным фронтом коммунистов.

Разрыв отношений с Национальным комитетом продолжался несколько месяцев, пока НКТ не созвала Национальный пленум региональных организаций. Печально, но большинство региональных организаций, с Центральной во главе, поддержали Национальный комитет и даже усилили его пронегриновскую позицию. Подобное отношение, которое подразумевало отречение от тех из нас в Каталонии, кто был против Негрина и выступал за полный пересмотр коллаборационистской линии НКТ, продолжалось до отставки Асаньи с поста президента Республики»<sup>55</sup>.

Каталонские анархисты рассматривали возможность политического переворота, направленного против Негрина. Гарсия Оливер провёл неофициальное совещание в своём доме в Барселоне, чтобы обсудить эту идею. Там присутствовали Хосе Хуан Доменек – глава каталонской НКТ, Хуан Пейро, Федерика Монсень, Франсиско Исглеас и Жерминаль Эсглеас. Они решили попытаться получить поддержку Диего Мартинеса Баррио из Республиканского союза, а также Луиса Компаниса и даже президента Асаньи.

Однако переговоры не дали результата. Когда обратились к Мартинесу Баррио, тот ответил: «Весьма интересная инициатива. Но уже слишком поздно». Президент Асанья дал похожий ответ:

“ «То, что вы предлагаете мне, очень интересно. Я думал о таком решении. Но у нас не осталось времени для его осуществления»<sup>56</sup>.

Отстранение Негрина произошло лишь после краха Каталонского фронта и открыло собой завершающие события Гражданской войны в Испании.

---

Версия #1

Зверобой создал 11 мая 2025 15:48:40

Зверобой обновил 11 мая 2025 15:56:44